

«Русская мысль»

Вспоминается, что сказал Игорь Ефимов в "Светляках" — сборнике своих афоризмов, кратких зарисовок и прочего мини-жанра: "Представьте себе, что вам каким-то образом удалось одновременно слушать стихи Ахматовой, смотреть выступление Райкина и беседовать об Афинах и Иерусалиме со Львом Шестовым; — тогда вы получите некоторое представление о том, что такое общение с Найманом". Ефимов говорил о человеке в повседневной жизни, но и общение с Найманом-поэтом выявляет эти три главные составляющие его поэтики: высокий лиризм, страстное мышление и непрерывное чувство комического, тонким слоем смазывающее бесперебойно работающую машину стихотворчества.

— Анатолий Генрихович, принимая во внимание участвующиеся публикации вашей прозы как сильно юмористического колорита (не исчерпывающего, разумеется, краски этой прозы), так и философско-эстетического, разумно ли и вашу литературную деятельность видеть в трех измерениях, которые зафиксировал Игорь Ефимов?

— Для простоты удобно рассечь, но это будет довольно искусственный прием: человек ведь целен. (У Ефимова существует слово "одновременно")! Каждый человек целен, поэтому не то важно, что сегодня он пишет прозу, завтра стихотворение, а потом эссе. Важно, что поэт телу, что ему тело?

— Вспомните, что на греческом языке слово "поэзия" — это работа. Есть работа по организации неорганического пространства и времени. Ей естественно начинаться с организма. Организм выстраивает пространство собою и "под себя". Тело, отпечатываясь в пространстве, уже организует его. Когда оно последовательно надевает на свое нутро костяк, на костяк — кожу, на кожу — платье и укрывает все это домом, а дом может оказаться как просто избою, так и Кельским собором, то пространству уже нет обратного хода в неорганизованность, в пустоту, в хаос.

И, совершая все это, поэзия ни на миг не теряет из виду нутро, она на нем сосредоточена. Пространство подчиняется готике собора, форме избы, тулула, рубахи, скелета, но все это имеет единственный смысл благодаря бьющемуся внутри сердцу и тому его ритму, который держится вся структура.

Сам слышу, что все, что сейчас говорю, звучит торжественное, чем я того желал. А все потому, что вы затолкали меня в чужой жанр. В стихах это звучит именно так, как я того хочу.

— Как в стихотворении "Надеваю на сердце..."? Я, разумеется, тему "тела" затронула не случайно. В вашей разработке темы вещественного мира видится мне развитие акмеистического слова... Ваш нынешний стих в противоположность раннему часто насыщен метафорой. Что стоит за этой переменой?

— Когда начинаешь как поэт, тебя поражает обилие метафор, которое мир тебе предлагает, все сравнивается со всем, и, только прожив порядочно лет, понимаешь, что метафоры на свете есть только неслучайные, только одни-единственные и что просто надо прожить всю жизнь, чтобы эти метафоры проявили себя. Впервые я это понял, когда мне было лет 25, а Ахматовой больше 70-ти, и я увидел, как для нее не существует так называемых сравнений, а если она пользуется метафорой, то только потому, что эта метафора в самом деле в этом мире присутствует как единственно возможная. Так что поначалу я сторонил метафоры. Пришло время, когда некоторые связи мира для меня сколько-то прояснились, а метафора ведь — это язык мировых связей. И метафора стала для меня естественной.

— Я сейчас задам самый избитый из всех "проклятых вопросов" для художника: если пишешь, то отнимаешь что-то от жизни?

— Все-таки есть такое качество во всем на свете — полнота или ее отсутствие. В вере, в быту, в искусстве, во всем. Если есть полнота, а ее никак не подделать, то говорить, что что-то в ущерб чему-то, невозможно, потому что полнота предполагает отсутствие какого бы то ни было ущерба, просто по понятию этого слова. В принципе мы знаем таких авторов, особенно среди нынешних, с замечательными, сильными качествами, но не хватает какой-то одной компоненты, на вид второстепенной, а без нее поэзия тоже не существует. У того, что они производят, вид поэзии, там все есть, но поэзия — это и еще что-

— Эта "острота" — всего лишь результат чтения (а не толкования), вслушивания в интонации, глядывания в образность. Истерзанные музы: "согбенная

«Человеку будет все, что ему нужно. Все, что ему нужно, — с ним, у него будет...»

Интервью с Анатолием Найманом

то. Например, еще и дикость, правда? Или еще и самодовольство, например. С точки зрения нравственных категорий самодовольство искусства, конечно, в ущерб человеческой душе, которая взыскивает спасения. Это все понятно, но, когда человек прошел через некоторые испытания, испытания веры своей, нравственности, эстетики, когда он не забывает об этом опыте, он знает, что понятие полноты само по себе абсолютно, но не требует больше ничего.

У меня был длительный период, больше десяти лет, когда я прекрасно понимал, что занятие поэзией — это установка на такую опору, которая вся на чувствах, а чувства, как мы знаем, могут быть ошибочны. А поэзия вся на этом. И она отбирает очень большую энергию в этом случае от чего-то другого, например, от веры. Это был период отчуждения от искусства, от поэзии. Я вовсе не ручаюсь, что я пришел к какому-то правильному пониманию, но жизнь одна — как понимаю, так понимаю.

Для человека, который не хочет никого барыша, никакой выгоды с того, что он чувствует и делает, для такого человека понимание полноты происходящего не требует никаких проверок какими-то посторонними инструментами. Если человек проверяет это — значит, там у него как-то есть дефект.

Ощущение полноты сводится не к каким-то медитативным переживаниям, а к тому, что весь твой день полон; ты кончашь одно и начинаешь другое. Это тоже входит в понятие полноты, а если так, то у тебя нет времени на самоедство. Полнота — это еще и завершенность, все вместе, сам процесс творчества, его результат, последовательность результатов, путь, линия творчества; она вся не предполагает вариантов, никаких изменений.

— Может быть, вы и пишете, чтобы реализовать подобную полноту?

— Не могу ответить на ваш вопрос, не знаю. Я и так сказал много. Я вам сказал, что у меня был дольше десяти лет

Анатолий Найман.

период отношения к искусству. Понимаете, отношения? У меня нет, например, отношения к детям, я их люблю или раздражаясь на них, но я не могу сказать: мое отношение к детям таково — двоеточие... То же самое к России, например. У меня нет к ней отношения. Есть Россия, есть дети, слава Богу, есть стихи, они пишутся.

— Так как же этот период "отношения" к стихам сменился просто стихами?

— Это тоже трудно сказать, этот период мог длиться еще дольше, может быть, до самой смерти, но вот не длился, что-то случилось. Все это время я был в состоянии неудовлетворенности, не было равновесия, гармонии. Я ни в коем случае не отказался от этого опыта. Потерянного времени вообще нет

для человека, важно, как оно претворяется; в твоей жизни все, какое есть, время во что-то претворяется; разумеется, совсем не обязательно в стихи, искусство, — просто претворяется в твою натуру.

Вообще поэт, как известно, никогда не знает, напишет ли он следующее стихотворение. Он может только надеяться, что, пока он не пишет, что-то и как-то претворяется в будущие стихи. Я вот не писал месяца полтора, а сейчас не представляю себе, чтобы стихотворения, которые я закончил позавчера, у меня не было бы, но еще неделю назад о нем не было ни слуху, ни духу. Я говорю о "Зрите".

— В нем звучит отклика на "Осенний крик ястреба" Бродского: "Не пернатый, воспетый за отрыв от земли в небеса, а комок перепонок и жил..." Наверное, это бессознательный отклик на его смерть.

— Отклик, говорите? Тогда и на "Орла" Гумилева тоже. И на его смерть.

— В ваших стихах последних лет ощущается новое дыхание, глубокое и легкое. Что поддерживает его?

— Я могу ответить только в общем. Моя догадка такая: человеку будет все, что ему нужно. Все, что ему нужно, с ним, у него будет. Я думаю, что перед самой-самой смертью человек что-то узнает, что ему нужно знать о жизни вообще. Любой человек. Если он думает о смерти, то в конце жизни он что-то нужно ему узнать. И вообще в каком-то возрасте вещи связываются; не ты их связываешь, а они связываются сами по себе. Если мне был дан дар поэта, то он должен был осуществиться в благоприятных обстоятельствах. И они для меня наступили.

Что такое благоприятные обстоятельства? Это чистый воздух поэзии, это освобожденность от всего сопутствующего, т.е. от литературного быта, так сказать, литературных отношений. Это независимость, которая приходит с годами. Одно дело, когда ты свою независимость должен утверждать, другое дело, когда она просто существует.

Интервью взяла
ЛИДИЯ ПАНН
Нью-Йорк